

Прошлой ночью Ван Цзи ворочалась с боку на бок и уснула очень поздно.

В голове роились тысячи мыслей: она пыталась угадать истинную личность того неожиданного гостя, переживала, не одурманит ли Фэн Цинцзя какая-нибудь лисья нечисть, не заставит ли дать невыполнимые обещания, а то и вовсе навлечь беду. В конечном счете Ван Цзи вспомнила о той самой кисло-сладкой рыбе, которую так и не удалось попробовать, пробормотала что-то себе под нос и провалилась в сон.

Однако едва забрезжил рассвет, она тут же открыла глаза — даже время пробуждения ни на миг не отличалось от обычного.

— Проклятье.

Ван Цзи потерла виски, чувствуя легкую пульсирующую боль. Стоило подуть ветру, как она невольно закашлялась. Настроение мгновенно испортилось. Скривив губы, она по привычке оделась и тщательно заправила постель.

Зимнее утро выдалось холодным. Хоть дождь и прекратился еще посреди ночи, вымощенные камнем дорожки во дворе все еще блестели. Лужицы напоминали дамские зеркальца, в которых перекрещивались солнечные лучи, золотистые и, на вид, очень теплые.

Ван Цзи немного понаблюдала за ними, пока в глазах не зарябило. Она машинально протерла их и в этот мимолетный момент полудремы словно увидела, как мелькнул стройный зеленый силуэт.

Наверное, это был тот самый человек.

Зимой занятия начинались только после полудня, так что немногие решались бегать по делам с самого утра.

Улыбнувшись, Ван Цзи воскликнула, что день сегодня выдался чудесный, и внезапно решила сходить в гости к Чжан Юйгэ.

— Учитель, вы здесь?

Юэ Ту стояла перед входом, смущенно опустив голову. Голос ее звучал тихо и ровно. У нее было вытянутое лицо, густые брови придавали ей решительный вид, но по натуре она была очень мягкой, внимательной и чуткой девушкой.

В руках Юэ Ту держала веревку, другой конец которой был привязан к лапе большого петуха. Птица была полна жизни — вместо того чтобы приуныть от неволи, петух величаво вышагивал, полный властного достоинства, словно прославленный генерал, инспектирующий свои войска.

— Ту-эр? Я как раз собиралась после уроков зайти к тебе, как удачно ты пришла.

Фэн Цинцзя медленно вышла из комнаты, слегка улыбаясь. В ее левом глазу светилось тепло, и выглядела она довольно бодрой.

Юэ Ту присмотрелась внимательнее: учитель моргала чуть сильнее, чем обычно, под глазами залегли едва заметные тени, а губы были суховаты — должно быть, не спала всю ночь.

Девушка почувствовала легкий укол совести, подумав, что впредь стоит приходить попозже.

— Ту-эр принесла домашнюю курицу.

Юэ Ту закусила губу и машинально потянула за веревку. Петух подпрыгнул и сердито попытался клюнуть ее в руку, но не достал, отчего его красный гребень стал еще ярче.

— Это, хм, учитель видит очень отчетливо.

В голосе Фэн Цинцзя зазвучал смех, но затем тон ее переменялся, став чуть более строгим:

— До весенних праздников еще два месяца, плату за обучение приносить рано. С чего это ты вдруг решила принести курицу? Твоему младшему брату нужно расти, лучше бы приберегла ее для него.

— Вчера по дороге домой я случайно увидела, как учитель в спешке несла домой раненую девушку. Подумала, что куриный бульон пойдет гостю на пользу, вот и поймала ее. Младший брат тоже одобрил. К тому же, хоть госпожа Цзи и смышленная, но она еще мала, а кроме учителя в доме никого нет, боюсь, вы не успеваете со всем справиться, вот я и решила немного помочь, — мягко пояснила Юэ Ту. — Учитель сказала, что хотела меня найти, у вас есть для меня поручение?

— Да. Из дома пришло письмо: отец тяжело заболел, очень просит вернуться. Поэтому мне с Цзи-эр нужно съездить на родину, в Цанпин.

Фэн Цинцзя нахмурилась, в ее глазах промелькнула тревога, и она тяжело вздохнула.

— Я уже решила подать прошение об отставке, и мне понадобится тот, кто временно возьмет на себя занятия. Хочу порекомендовать тебя. Ту-эр, что скажешь?

— Я... боюсь, что опозорю ваше доброе имя, — пробормотала Юэ Ту, опустив голову. Сердце ее сжалось от нежелания расставаться.

Неужели учитель действительно уезжает?

— До каникул осталось меньше месяца, программа в основном повторяется, ничего сложного. Я уже составила план, подготовила подсказки и записала особенности каждого ребенка — можешь взять и изучить. Твои успехи в учебе, конечно, уступают навыкам в боевых искусствах, но для обучения этих детей знаний у тебя предостаточно. Не стоит себя недооценивать.

Видя, как Юэ Ту слегка дрожит, Фэн Цинцзя решила, что та сомневается в своих силах, и поспешила успокоить ее. Подумав, она достала из рукава несколько золотых листьев отличной пробы.

— Возьми эти деньги, считай это платой за замещение. Если отцу станет хуже, боюсь, я не вернусь в ближайшие три года. Если проявишь себя достойно и не допустишь серьезных ошибок, власти наверняка продлят с тобой контракт. Это будет хорошим заработком, куда легче, чем твоя подработка рукоделием, да и для будущего обучения брата будет подспорьем.

— Учитель...

Услышав слова Фэн Цинцзя, Юэ Ту не сдержала слез, но через силу улыбнулась.

— Вы уже решили, когда уезжаете? Нужно заранее подготовиться к прощальному обеду. Я позову брата — он души не чает в вас и госпоже Цзи, да и родителям других учеников нужно

сообщить...

— Дел предстоит немало.

Говоря это, Юэ Ту невольно смахнула слезу. Она сильнее сжала веревку, и петух, не ожидавший такого, споткнулся и захлопал крыльями, кудахтая. Этот звук показался Юэ Ту особенно болезненным.

— Кстати, гостя...

— Она старая знакомая моего отца. Узнав новости, решила отправиться в Цанпин вместе с нами.

Фэн Цинцзя вынула из-за пазухи чистый шелковый платок, вложила его в руки Юэ Ту и похлопала ее по плечу.

— Сегодня я поговорю с властями, завтра мы уже уезжаем. Не стоит утруждать себя пышными проводами, просто добросовестно доучи этот месяц вместо меня.

Юэ Ту кивнула, изо всех сил вглядываясь в платок, чтобы не расплакаться. Это был личный платок Фэн Цинцзя — простой, чистый, с крошечными вышитыми цветками груши в верхнем углу. Они были почти незаметны и на ощупь совершенно гладкие.

Когда Ван Цзи нашла Чжан Юйгэ, он уже повторил урок и упражнялся в каллиграфии.

Она посидела рядом, наблюдая за ним, но вскоре ей стало скучно, и она принялась смаковать лакомство, которое прислала госпожа Чжан.

Чжан Юйгэ украдкой взглянул на нее, рука его дрогнула, чернила кляксой расплылись по бумаге, и лист оказался испорчен.

Ван Цзи была невероятно хороша.

— На что ты смотришь? — Ван Цзи достала платок, вытерла руки, аккуратно сложила его и, моргнув своими черными, как смоль, глазами, посмотрела на него.

— Я просто подумал... вчера... вчера я не смог сделать так, чтобы учитель отпустила нас пораньше, прости меня, — заикаясь, произнес Чжан Юйгэ, комкая испорченный лист и откладывая его в сторону.

— Это была ее судьба, от нее не убежишь, тут ничего не поделаешь.

Ван Цзи оказалась на удивление рассудительной. Она достала из сумочки сплетенного из травы кузнечика, бросила ему и весело рассмеялась:

— Я сама сплела, дарю тебе. Красивый?

Ты мне — древесный персик, я тебе — драгоценный нефрит.

Чжан Юйгэ держал кузнечика, но не решился произнести эти слова вслух при Ван Цзи. Она была на год младше его, ей всего одиннадцать, но книг прочла куда больше, да и мыслила очень проницательно.

— Красивый, очень красивый, как живой, — ответил Чжан Юйгэ.

— И двух слов связать не можешь, бестолковый, — Ван Цзи мягко улыбнулась. — Сестрица Цинцзя еще говорила, что ты будущий ученый и непременно станешь чиновником. По мне так, попади ты в этот котел, где людей едят, не выплевывая костей, неизвестно еще, сколько раз ты бы там погиб, Сяо Юй-цзы.

— Не называй меня так, звучит как девчачье имя, — нахмурился Чжан Юйгэ. — И я не погибну.

— А я буду так называть. Мне нравятся девчачьи имена, и что с того? — Ван Цзи прищурилась, высоко подняв подбородок. — Люди всегда умирают. Рано или поздно — все одно. Если ты не умрешь, значит, ты старый оборотень.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — Чжан Юйгэ был одновременно раздосадован и рассмешен. — Неужели нельзя сказать хоть что-то хорошее?

— Нельзя.

Ван Цзи посмотрела на покрасневшее лицо Чжан Юйгэ, который не нашелся что ответить, и прыснула со смеху.

<http://bllate.org/book/21759/2250159>